

**ЗАБЫТАЯ СЕССИЯ, ПОТЕРЯННАЯ СЕКЦИЯ:
ВПЕЧАТЛЕНИЯ УЧАСТНИКА
XXIII МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА
ВИЗАНТИЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(БЕЛГРАД, 2016)**

Подхалимствующий дурак приносит больше
вреда, чем сотня врагов.

И. В. Сталин
(Лион Фейхтвангер. *Москва 1937*)

Со второй половины XIX в. в ряду гуманитарных наук определилась ведущая роль византиноведения. Своим лидерством оно во многом обязано тому, что под развернутым крылом византистики изначально объединялись представители различных специальностей — от любителей истории и словесности, искусствоведения, археологии до знатоков нумизматики, сфрагистики и рукописей. Благодаря этому византистика по своей сути всегда была, есть и будет оставаться междисциплинарным направлением науки, которое невозможно представить без постоянного взаимодействия ученых десятков стран — от Греции и других стран Балканского полуострова, России, почти всех стран Европы и США до Австралии, Японии и, отныне, Китая. Ядро этого большого научного сообщества составляют региональные специалисты тех стран, которые когда-то образовывали «византийское содружество», то есть тех историков, филологов, искусствоведов, археологов Греции, Сербии, Болгарии, Армении и других стран, для кого история и культура Византии, говоря фигурально, являлись частью их собственной истории. Это сообщество многих ученых-византистов и представителей смежных научных отраслей изначально формировалось на гребне все более укреплявшихся их международных связей. Их символом стала созданная в 1918 г. Международная ассоциация византийских исследований (Association Internationale des Études Byzantines) (далее — МАВИ), под эгидой которой созываются Международные конгрессы византийских исследований (далее — МКВИ), начиная с первого такого научного съезда в Бухаресте (1924 г.). Прерванная в годы военного лихолетья работа съездов византистов была возобновлена в 1948 г. и продолжается поныне под руководством Бюро МАВИ.

Именно таковой научная ситуация в византиноведении предстала и на последнем, уже 23-ем по счету, МКВИ, который, собрав более 1 200 участников, состоялся в августе 2016 г. в Белграде (Сербия). Разумеется, развитие науки, углубление основных направлений гуманитарных исследований, их дифферен-

циация и расширение спектра научных изысканий, разработка новых методов и подходов в исследованиях и преподавании, появление новых направлений науки и научных дисциплин не могут не сказываться на общем состоянии современной византистики. Недаром на целом ряде МКВИ, по крайней мере последней трети XX — начала XXI в., заметное место занимали пленарные доклады и работа секций, посвященных развитию специальных и вспомогательных научных дисциплин, так называемые “Instrumenta Studiorum”. На этот раз, в Белграде, им, под их собственным названием, было отведено место в рамках трех из шести специальных сессий, основу которых составили преимущественно доклады и сообщения о развитии новейших направлений исследований, о научных программах и проектах. Среди них нельзя, конечно же, не выделить те научные направления и дисциплины, которые за последние десятилетия выдвинулись на передний план развития любой научной отрасли, ибо их появление и формирование обусловлено опережающим подъемом информатики. Ее непосредственное влияние, а лучше сказать — воздействие, косвенно проявляется прежде всего в форме того научного направления, которое у нас получило название «историческая информатика», за рубежом же оно сначала было известно под обозначением “History and Computing”, затем, как раз двадцать лет тому назад, стало именоваться “Digital History” и “Digital Humanities”, а впоследствии, соответственно, “e-Science”, “e-Humanities” и “e-History”. Как его ни назови, всеохватывающая роль этого направления, бесспорно, сказывается на византистике. Недаром в программе работы белградского конгресса (надо подчеркнуть, впервые) в общем ряду специальных сессий одна из них (3-я специальная сессия), получившая соответствующее название “The Digital Humanities and Byzantine Studies”, посвящена взаимосвязям византистики с цифровой гуманитарной наукой. И несмотря на то, что сама историческая информатика остается, и это надо подчеркнуть сразу же, за пределами научных приоритетов византистики, тяготеющие к этой отрасли науки материалы, отображая профессиональные устремления ряда ведущих ученых, переполняли программу 23-го МКВИ, а она, как никогда прежде, предусматривала освещение достижений византистов в сфере развития и применения инновационных, в первую очередь информационных технологий.

Надо сказать, путь византистов в указанном направлении обозначен, если сравнивать византистику с другими историческими и гуманитарными отраслями науки, довольно редкими вехами, выставленными еще на предшествующих МКВИ. Первые едва заметные ростки информационных технологий на ниве византиноведения возшли, наверное, можно думать, еще на конгрессе 2001 г. в Париже, устроитель которого Ж. Дагрон дружелюбно привечал новаторов. Но только, пожалуй, на лондонском конгрессе 2006 г., где его инициатор А. Брайер санкционировал предметную экспликацию вновь возникающих отраслей знания, они обратили на себя пристальное внимание организаторов и собравшихся участников научного кворума. Именно тогда было устроено заседание так называемой «панели» под названием «Технологии», в рамках которого были сделаны первые приближения к проблемам использования компьютера в византи-

новедческих исследованиях. Одновременно состоялось аналогичное заседание, посвященное проблемам обучения византийской истории с помощью компьютера и Интернета. Этим заседаниям сопутствовала работа ряда секций, где задачи применения инновационных методов в исследованиях и обучении византийской истории и культуре были вынесены на передний план. В частности, необходимо отметить панельную сессию “From BZ to Byzantium@display”, где были представлены подходы к созданию электронных изданий и библиографических баз данных, а также секцию сообщений «Технологии», на которой автору этих строк впервые довелось устроить презентацию Базы данных «Византийское право». К сожалению, на последующем конгрессе византинистов 2011 г. в Софии, несмотря на бурное развитие исторической информатики в целом в те годы с одной стороны, и на все благожелательство к новаторам лидера болгарской византистики В. Гюзелева с другой, растущая роль информационного направления в византиноведении получила лишь опосредованное отображение в исследованиях части участников конгресса, наподобие доклада Й. Прайзер-Капеллера, апеллировавшего к статистическим данным актов константинопольского патриархата. И можно только сожалеть о том, что чуть ли не единственным образчиком применения новых информационных электронных ресурсов тогда стал пленарный доклад автора этих строк «Информационный подход к изучению византийского права: лексика и тексты», где была выдвинута установка на создание соответствующей профильной экспертной системы.

В этом свете включение в программу работы Белградского конгресса целого ряда специальных сессий, казалось бы, должно отвечать качественно возросшему общему значению для византистики инновационных направлений, в особенности информатики. Так представляется научная ситуация участнику конгресса на первый взгляд. Тем более что заседания специальных секций, участие в работе которых, как было доверительно сообщено автору этих строк, считается почетным, происходили в отведенном для этого актовом зале Сербской академии наук и искусств (далее — САНИ), благоустроенном и всецело для того приспособленном. Там состоялось шесть сессий: первые две и четвертая, как сказано, “Instrumenta Studiorum”, третья — уже названная “The Digital Humanities and Byzantine Studies”, пятая сессия в четырех частях (“Present and Future Projects: Presentation of Research Centers and Their Projects in the Field of Byzantine Studies”) и, наконец, заключительная, шестая сессия под названием «Будущее византийских исследований: Новые подходы и Новые методы» (“Future of the Byzantine Studies: New Approaches and New Methods”).

На самом деле заседания специальных сессий нельзя назвать равнозначными. Как видно из их перечня, их отличала многопрофильная ориентация, множественность продемонстрированных подходов к изучаемым материалам византиноведения, богатая методологическая палитра и всеохватывающий инструментарий. К этому следует прибавить крайнее многообразие форм исследования, обучения и представления изучаемых византиноведческих материалов — от кратких пятиминутных сообщений, на некоторых сессиях сливавшихся в цветастый калейдо-

скоп, или сухих «отчетных» научных докладов до красочных выступлений, которые более напоминали эстрадное шоу. Главное — во многих случаях во главу угла выдвигались научные программы и проекты, ориентированные на использование методов и средств исторической информатики и смежных с ней научных отраслей. Примером могут служить сравнительно традиционные сессии “Instrumenta Studiorum”, где первая выстраивалась по дисциплинарному профилю (палеография, сигиллография, историческая география, документоведение и археография, философия и так далее), вторая, участники которой сосредоточились на проблемах издания византийских источников (“Instrumenta Studiorum II: Future of Editing Byzantine Texts”), следовала их жанрам, правилам, стандартам и, если позволительно так выразиться, технологии подготовки издания, а третья, посвященная сохранению и реставрации византийских памятников архитектуры и культуры (“Instrumenta Studiorum III: Preservation, Destruction, and Restoration of Byzantine Monuments”), — региональному и топографическому принципу (Турция, Армения, Египет, Албания, Кипр, Сирия, Ливия и так далее). И в этом конгломерате проблем и направлений надо отметить тему выступления Марии Парани (Maria Parani) о новом электронном архиве предметов материальной культуры (“ByzAD: A New Electronic Resource for the Study of Byzantine Material Culture”).

С указанных позиций труднее всего, пожалуй, характеризовать работу пятой специальной сессии (“Present and Future Projects: Presentation of Research Centers and Their Projects in the Field of Byzantine Studies”), как было сказано, четыре секции которой объединили самые разнообразные по характеру, содержанию и формам выступления. К тому же при общем числе порядка тридцати сообщений многие из них так или иначе затрагивали и отображали проблемы применения компьютерных технологий в исследованиях и преподавании, в особенности — создании электронных баз данных и архивов. В этой связи, наверное, следует назвать не только докладчиков первой секции пятой сессии, когда выступали видные представители научных учреждений и организаций Болгарии, Австрии, Греции, Нидерландов, Сербии, Турции, Франции, в том числе Т. Колиас (T. Kolias) и К. Рапп (C. Rapp). Здесь, без сомнения, оправданно выделить ряд докладов и сообщений последующих секций указанной сессии, ориентированных на освещение специальных проблем информационного характера. В частности, обращают на себя внимание доклады группы афинских специалистов (О. Карагиоргу, П. Харалампакис, Х. Малатрас (O. Karagiorgu, P. Charalampakis, Ch. Malatras)), раскрывших свой подход к изучению «Тактикона» посредством использования онлайн-ресурсов (“Taktikon: The Online Research Tool on Byzantine Themes”), и иерусалимского византиниста Й. Патриха (Y. Patrich), представившего оцифрованный корпус сведений и изображений раннехристианских церквей и монастырей на Святой Земле (“A Digital Corpus of Early Christian Churches and Monasteries in the Holy Land”). Также не может быть обойден вниманием примыкающий к названным по своим задачам проект оцифровки Центра исследований византийского и поствизантийского искусства Афинской академии (“The Digitization Project by the Research Centre for the Byzantine and Postbyzantine

Art of the Academy of Athens: Practices, Experiences and Challenges”), который был заявлен от имени И. Вифа (I. Vitha).

Разумеется, с точки зрения оценки уровня развития информационных технологий в современной византистике наиболее значимы доклады участников 3-ей специальной сессии, работу которой инициировал Штаффан Валгрэн (Sh. Wahlgren). На этой сессии были запланированы выступления восьми коллег из Австрии, Германии, Британии и Швейцарии, не только косвенно, но и прямо касающиеся исторической информатики. В их ряду непременно необходимо назвать доклады и репрезентации, нацеленные на обобщение основных идей информационного подхода в византистике, тем паче что среди выступавших преобладает ориентация на использование Интернета как средства реализации познавательных и обучающих функций сетевых технологий. Таковы доклады Михайло Ст. Поповича (M. St. Popović), раскрывшего принципы публичной визуализации результатов византийских исследований (“Bringing Byzantine Studies to the Public: Web-Based Visualizations for the Dissemination of Scholarly Content”) и Й. Прайзер-Капеллера (“Entangling Byzantium. Networks of Individuals, Objects, Places and Narratives”). А К. Зода (C. Sode), занятая созданием корпуса византийских печатей, мучительно вопрошала о том, как улучшить репрезентацию и анализ сигиллографического материала (“A Digital Corpus of Byzantine Seals, or How to Improve the Presentation and Analysis of the Sigillographic Material?”). И этот доклад хотелось бы выделить уже потому, что из всех выступлений, обусловленных использованием инновационных технологий, лишь в его названии отображено понятие «анализ», обращающее специалиста к непосредственной цели создания и применения электронных ресурсов! Если же характеризовать сферу и широту их применения, то нужно назвать темы докладов ряда коллег, скажем, Е. Ризоса (E. Rizos) (“The Cult of Saints in Late Antiquity: A New Online Searchable Corpus”), и Т. Л. Эндрюс (T. L. Andrews) (“The Digital Edition as a Tool for Historians: The Chronicle of Matthew of Edessa”), а также обобщающее выступление, касающееся информационного подхода в деле издания византийских источников (“New Approaches in Text Edition, Text Interpretation”), — тему, которую развивал Х. Гастгебер (Ch. Gastgeber).

Нужно оговориться, что в рамках названного заседания были представлены далеко не все доклады, ориентированные на историческую информатику и цифровую гуманитаристику. Ряд тяготеющих к ним интересных тем был вынесен на заключительную шестую специальную сессию, посвященную будущему византистики, где организаторы конгресса планировали представить их наряду с поднятыми вопросами византийского литературоведения и искусства, а также гендерного подхода, обстоятельно описанного Е. Мициу (E. Mitsiou). В частности, на этом заседании прозвучал доклад того же Х. Гастгебера об исторической социолингвистике и чтении византийских текстов в свете новых методов (“Historical Sociolinguistics and Byzantine Studies. Reading Byzantine Texts in the Light of New Methods”). Здесь же был запланирован доклад Г. Банева (G. Baney) об использовании Интернета в целях исследования и обучения

византистике (“The Use of the Internet for Research and Educational Purposes in Byzantine Studies”), который, к сожалению, кажется, вовсе не состоялся. Реально же сессию заключало выступление автора этих строк (“Expert System ‘Byzantine Law and Acts’”), о чем упоминаем лишь для того, чтобы еще раз выразить свою искреннюю благодарность Бойане Павлович и Ненаду, системному программисту САНИ, без помощи которых это выступление было бы невозможно! А желающих убедиться в том, что в данном выступлении речь шла совсем не о будущем науки, как предполагали организаторы конгресса, а об ее настоящем, автор этих строк обращает к сайту проекта¹.

Безусловно, было бы неправильно считать, что использование инновационных, и в частности информационных технологий в византистике ограничивается только рамками описанных шести специальных сессий. О применении прикладных программных систем и специального цифрового инструментария вполне наглядно и убедительно свидетельствуют материалы самых разных и пленарных, и тематических секционных заседаний, и так называемых круглых столов. Их перечисление автор этих строк опускает, поскольку результаты работы указанных секций МКВИ обнародованы. А читателю достаточно лишь обратиться к публикациям, освещающим проблематику, допустим, заседаний секций по истории окружающей среды и климата, актуальных аспектов экономики, археологии, нумизматики и сфрагистики, прикладной лингвистики и других направлений византистики. Наиболее же очевидным образом вторжение информационных технологий в гуманитаристику обнаруживает себя в исторической географии и картографии, чему белградский конгресс служит наглядным и убедительным подтверждением, главным образом ввиду обследования участниками научного съезда как византийских территорий, так и прилегавших к ним земель соседних государств и народов. В первую очередь, рассказывая о том, нужно отметить активнейшую роль Михайло Ст. Поповича, сотрудника Института средневековых исследований Австрийской АН, благодаря которому историческая география была предметом обсуждения на заседаниях не только уже представленных специальных сессий, но и ряда тематических секций, а также проведенного под руководством Михайло Ст. Поповича круглого стола, где практически в каждом выступлении отобразено использование ГИС (географических информационных систем / GIS, HGIS). И это стало наиболее ярко выраженным свидетельством результативного применения прикладных информационных программ.

Возвращаясь же к результатам заседания 3-ей специальной сессии, нельзя не рассказать также о том, что вместо отчетливого артикулирования, по крайней мере, основных итогов ее работы или, лучше бы, обобщения первых наблюдений над развитием нового направления в византистике, заключающим аккордом этой сессии стало выступление одного симпатичного коллеги, коего автор

¹ Сайт проекта “Byzantine Law and Arts”. URL: <http://www.byzlaw.ru>; <https://sites.google.com/site/byzanlaw>; <https://sites.google.com/site/byzanlawen>

этих слов встречал из раза в раз на византийских конгрессах (его имя мы считаем допустимым не называть), «об опасностях электронной информации». И ладно, если бы это было обобщение ученого, который сам поднаторел в освоении премудростей новейших технологий! Но это выступление напоминало автору этих строк о временах его счастливого детства, проведенного без компьютера. Тогда, во дни славного Международного фестиваля молодежи в Москве 1957 г., в дверях дома появился сосед, напяливший на себя брюки-дудочки и нацепивший «черные», солнцезащитные очки. Старушки на лавочке перед домом кричали ему вслед: «Дурачок, очки сыми — ослепнешь!» Их слова можно считать кратким конспектом описанного выступления.

Примечательно и не указанное в программе многозначительное выступление модератора 3-ей специальной сессии Штаффана Валгрена. Он, правда, выступал отнюдь не столько с содержательным призывом обсудить наболевшие проблемы «новой волны» византиноведения, а предложил вниманию слушателей некое «экспозе», демонстрируя возможности использования мультимедийных средств, включая видео- и аудиопрограммы, на примере видеоролика и полутораминутного воспроизведения византийских песнопений. Слушатели и зрители этого выступления не осведомлены о том, что где-то за пару лет до этого выдающегося события, на частной вечеринке, Штаффан Валгрэн был ознакомлен с программным продуктом автора этих строк, где используются видео- и аудиосредства для анализа изучаемых текстовых источников. И если бы автор этих строк был предупрежден заранее о творческих исканиях Штаффана Валгрена, то обязательно бы отыскал в своих сусеках и преподнес своему коллеге диски с записями композиций рок-группы «Византия» — ее выступления по своим звуковым и видеоэффектам вполне отвечают заданному уровню! И остается лишь посоветовать на то, что автор, к большому своему сожалению, пропустил доклад Штаффана Валгрена на заседании круглого стола «Язык и общество. Исторические социолингвистические образцы в греческом языке поздневизантийских историков», где коллега делился своими размышлениями по поводу данных соответствующего византийского электронного корпуса (“Database Design and Sociolinguistic: Considerations for BYZTEC (The Byzantine Tagged Electronic Corpus)”). Ознакомление с ним принесло бы, конечно, не меньше пользы, чем обучение навыкам воспроизведения записей музыкальных дисков!

Что касается дискуссий относительно инновационных направлений византистики, о которых стоило бы упомянуть в связи с работой специальных сессий, то на ум приходят, пожалуй, от силы два обсуждения. Отчасти их отсутствие объясняется тем, что заседания специальных сессий происходили преимущественно вечером. Например, присутствовавший в качестве слушателя на третьей специальной сессии тов. С. П. Карпов пытался инициировать обсуждение прозвучавших тогда докладов, делая упор на необходимости международной координации усилий специалистов по созданию баз данных по нумизматике и сфрагистике. Увы, фактически тов. С. П. Карпов не был услышан, как принято ныне говорить, «нашими партнерами». Вообще же уровень подобных обсуждений, их

аргументация и направленность, даже в тех редких случаях, когда они в значительной степени стихийно, что нужно подчеркнуть, разворачивались, соответствовали времени становления исторической информатики, то есть отставали от уровня ее нынешнего развития примерно на два десятилетия.

К настоящему времени (приходится подытожить вместо Штаффана Валгрена результаты развития информационного направления в византистике) здесь в первую очередь получила распространение разработка и создание электронных ресурсов в форме баз и банков данных, архивов, которые по своему предназначению нацелены прежде всего на информационный поиск. А характер обсуждения инновационных подходов к актуальным аспектам византистики в большой мере предопределен тем обстоятельством, что византисты, в своих научных изысканиях приспособившись к стандартным функциям софта, используют доселе, за редкими исключениями, как правило, имеющиеся в распоряжении стандартные прикладные программы. С этой точки зрения показателен доклад о построении базы данных, объемлющей материалы афонских практиков (“The Project of East Macedonia Databases, 13th—15th Centuries”), который представил Константин Мустакас (K. Mustakas). Автору этих строк не удалось выяснить, в какой степени критский ученый знаком (по-русски он не читает) с опирающимися на указанные практики исследованиями Ж. Лефора, К. В. Хвостовой, А. Е. Лаиу. Но в деле создания электронной БД автор названного проекта волей-неволей, без сомнения, следует своим предшественникам с той лишь разницей, что первые двое «вносили» данные практиков, наверное, даже не на перфокарты, а на перфоленты, А. Е. Лаиу, по всей видимости, использовала для этого уже более «продвинутые» версии ЭВМ, тогда как автор этих строк еще в 70-е годы «расписал» содержание изучаемых практиков на карточках и обрабатывал их статистику на электронных счетных устройствах того времени. Теперь же Константин Мустакас это делает с помощью стандартной программы Excel. Разумеется, это шаг вперед в сравнении с использованием индексов, которыми снабжено французское издание афонских актов. При этом, однако, вопрос автора этих строк о том, каким образом инсталлированные в Excel данные предполагается использовать в исследовательских целях, то есть вопрос о существовании технологии, как принято говорить, машинного анализа, привел критского ученого в недоумение, а присутствовавшая на заседании польская коллега, решив осадить совсем уж обнаглевшего варвара из России, признала такой вопрос «неуместным»!

И в связи с этим желательно пояснить, что вопрос о новых технологиях, так, скажем, как он был поднят на лондонском конгрессе византистов, на этот раз был отодвинут на задний план. При видимой разнице уровней в подготовленности участников проектов, они почти не касались в своих выступлениях технических параметров используемых информационных ресурсов. Но и без этого ясно, что их аналитические компоненты явно уступают выполнению информационно-поисковых задач в рамках, выражаясь языком специалистов по исторической информатике, «источникоориентированных», а не «проблемных» иссле-

дований. К слову сказать, представленный в Лондоне автором этих строк построенный тогда информационно-аналитический модуль, предназначенный для установления информационной близости сравниваемых контекстов источников, так и остался без внимания коллег-византинистов, тогда как о разработке и применении аналогичных программных средств машинного анализа в византинистике нам ничего, увы, неизвестно. Нет сомнения в том, что эта сфера реализации инновационного подхода, а именно машинный анализ данных, за исключением, пожалуй, только ГИС, в византинистике, после очевидного ее продвижения в указанном направлении в 60-70-е годы прошлого столетия и первых достигнутых тогда успехов на ниве так называемых количественных исследований, ныне не соответствует современному уровню развития науки!

Конечно, многие выступавшие на белградском конгрессе византинисты принадлежат к славной когорте тех отраслевых специалистов, которые исподволь пытаются овладеть и применить инновационные достижения современной науки. Это касается также информатики и современной когнитивистики. Но в поисках современных способов разрешения поставленных аналитических проблем византинисты, сами по себе не являясь «инженерами по знаниям», как обозначают представителей специальности, в помощи которых нуждаются гуманитарные науки для создания так называемых баз знаний, вряд ли сумеют поднять гуманитарные дисциплины на качественно новый уровень. И потому в выступлениях своих коллег автор этих строк не услышал осознанно озвученных идей математического анализа и моделирования или предложений об использовании нейронных сетей как адекватного средства исследования и предметного обучения. Автор вполне допускает, что он чего-то не расслышал, что-то пропустил, или даже не понял. Но для него очевидно: без отчетливой экспликации названных и иных подобных установок на машинный анализ источников о современном уровне развития информационного направления в византинистике говорить нельзя! Можно только сожалеть, что проводимый сейчас, в мае–июне 2017 г. Европейской сетью цифровых исследовательских инфраструктур для искусства и гуманитарных наук¹ всеевропейский опрос ученых-гуманитариев об используемых ими цифровых методах и инструментах² учитывает прежде всего общеотраслевую специальность, а специализацию — опосредованно. Выявить среди участников этого опроса византинистов будет затруднительно. Впрочем, и без результатов анкетирования ясно: выступления современных византинистов, даже хорошо мотивированных на применение методов и приемов информационной науки, обнаруживают, что для них, как и для большинства гуманитариев, включая автора этих строк, главным инфор-

¹ Digital Research Infrastructure for the Arts and Humanities; DARIAH-EU.
URL: <http://www.dariah.eu> (дата обращения: 01.07.2017).

² Digital Methods, Practices and Ontologies; DiMPO DARIAH.
URL: <https://dariahre.hypotheses.org/working-groups/digital-methods-practices-and-ontologies> (дата обращения: 01.07.2017).

мационным средством помимо библиотечных ресурсов и Интернета доселе остается использование Power Point'а и слайдов с анимационными эффектами, таблиц, рисунков и диаграмм, прибегая к которым можно прослыть в научном сообществе большим «прогрессистом»!

Если же поднимать вопрос о непосредственных результатах работы белградского конгресса, надлежит пояснить, что электронная версия его программы, обнародованная на его сайте, включала репрезентацию тезисов выступлений участников всех запланированных секций конгресса, собранных купно и представленных в виде прилагаемых к расписанию работы каждой секции pdf-файлов. Это стало приятной новацией, которая, как оказалось, не касается участников специальных сессий.

К сказанному хотелось бы прибавить, что, согласно издавна установившейся традиции, участники МКВИ были ограничены в большинстве своем одним-двумя выступлениями. На белградском конгрессе допускалось три выступления, что, разумеется, заметно увеличивало общий объем результатов работы ученых, которые следовало бы обнародовать и в устном, и в печатном виде. В этих условиях организаторы белградского конгресса, который претендует на рекордные цифры участников и их выступлений, предпочли самый изощренный в своей примитивности вариант решения вопроса о превышении лимита возможностей публикации материалов конгресса. Просто-напросто участники специальных сессий были оставлены без публикаций, независимо от общего числа выступлений на конгрессе. И те участники специальных сессий конгресса, кто прибыл на него с единственным выступлением (даже если они соблюдали сроки регистрации, своевременно оплатили вступительный взнос и отослали тезисы их выступлений), оказавшиеся включенными в программу работы специальных сессий, были лишены своего права на публикацию научных результатов. И это относится не только к обнародованной онлайн электронной версии программы, но и к самим публикациям материалов конгресса.

За многие десятилетия на МКВИ установилась практика публикаций их материалов в двух-трех томах: пленарные доклады, материалы так называемых круглых столов и тезисов так называемых свободных сообщений, а иногда и дополнительных публикаций. Обычно они издавались к началу работы конгресса и вручались его участникам. На этот раз в печатном виде все ограничилось публикацией пленарных докладов. И только примерно через полгода после завершения конгресса были подготовлены представительские 100 экземпляров томов, содержащих материалы круглых столов и тематических сессий, а также онлайн-версии трех основных частей материалов конгресса, которые доступны на сайте белградского Византийского института САНИ¹. Показательно: относительно публикации электронных версий материалов белградского конгресса его участникам предоставлено догадываться самим, без официального оповещения

¹ Proceedings of the 23rd International Congress of Byzantine Studies.
URL: <http://www.byzinst-sasa.rs/eng/online-editions> (дата обращения: 01.07.2017).

и всяких там коллегиальных сантиментов. Нет, конечно же, официальное извещение об обнаружении материалов белградского конгресса в электронном виде было размещено на официальном сайте МАВИ¹. Однако среди электронных публикаций, как и во время проведения конгресса, материалов выступлений участников специальных сессий по состоянию веб-сайта белградского Византийского института САНИ на 1 июня 2017 г. также не найти! И, в убеждении, что публикации материалов специальных сессий его участнику, по всей вероятности, дождаться не суждено, остается только восклицать: «Уму непостижимо, как можно было допустить ситуацию, когда произвольно выбранная часть научных результатов конгресса замалчивается?!»

Здесь надо прямо сказать о том, что далеко не каждый научный конгресс сопровождается публикацией его материалов. Во многих случаях она выполняется за внушительную дополнительную плату, которая, как и вступительный взнос, намного превышает размеры вступительного взноса участника МКВИ. Доселе их организаторам удавалось избегать подобных решений. Но на этот раз публикация материалов белградского конгресса византинистов воплощена в самой неприглядной форме — научной сегрегации, произведенной, словно бы отделение чистых зерен византистики от плевел прочей информационной несурезицы. Данная ситуация демонстрирует не только ограниченность организационных компетенций нынешних международных «руководителей» византиноведения, но и их нежелание понимать, что вопрос применения инновационных методов исследований и преподавания, материалы которых были сосредоточены в работе специальных сессий, — это наиболее актуальный вопрос науки, раздвигающий перспективы ее дальнейшего развития. И потому к широкому освещению этого вопроса нельзя относиться с пренебрежением!

Конечно, в рамках жанра, обозначенного как фельетон, крайне трудно рассказывать о сугубо положительных событиях, к которым прежде всего надлежит отнести вручение президентом Сербии высокой государственной награды главе сербской византистики Любомиру Максимовичу (L. Maksimović). Это в корне переломило весь предшествующий ход конгресса, где обычно наиболее торжественной частью являлось его открытие. Радужные отчетные речи словно бы утверждали автора этих строк в мысли, что не напрасно уплачен вступительный взнос участника конгресса, так и не удостоившегося опубликования тезиса своего выступления, будто б он недоплатил свой вступительный взнос и заслуженно наказан за свою нерасторопность! При этом припоминалось, что после регистрации на сайте конгресса автор этих строк получил в автоматическом режиме так называемое приглашение. Оно было составлено от имени председателя конгресса, то есть главы сербского Национального комитета византинистов. Правда, в отличие от прежних конгрессов византинистов, когда приглашение участнику конгресса направлялось, будучи подкреплено личной подписью его председателя, это так называемое приглашение не было подтверждено

¹ МАВИ. URL: <http://www.aiebn.net.gr> (дата обращения: 01.07.2017).

подписью какого-либо должностного лица, то есть в собственном смысле являлось не приглашением, а неким ничтожным с юридической точки зрения уведомлением. По-русски это называется «филькина грамота». Конечно, эта бумажка открыла двери Белградского университета для того, чтобы лицезреть помпезное византийское зрелище, которое полностью скрасило крайне сомнительную ситуацию, возникшую накануне закрытия конгресса. Тогда автор этих строк, готовясь выступить со своим сообщением, получил от организаторов заседания заключительной специальной сессии рекомендацию сократить время своего «сверхпочетного» пятнадцатиминутного выступления в полтора раза, потому что участникам конгресса, дескать, пора отправляться на «джус-сейшон», то есть пить соки. Разумеется, такие крупные мероприятия не обходятся без накладок и нестыковок — это дело житейское... Однако в данном случае это вопрос планирования: актовый зал САНИ, в котором проходило заключительное собрание специальной сессии под уже упомянутым символическим названием «Будущее византийских исследований», оставался днем совершенно свободным от прочих заседаний. Но названное заседание назначили, как всегда, на вечер. По всей вероятности, во мнении составлявших программу конгресса ученых чудачков, иначе и не скажешь в фельетоне, не могло же «будущее» начинаться прежде, чем завершится «настоящее». Поэтому для тех пятнадцати слушателей заседания, кто на своем пути к месту дружеского распития соков решился «заглянуть на огонек» в соседнее здание САНИ, вместе с выступавшими «будущее» в автоматизированном режиме сокращалось во времени, необходимым для преодоления расстояния, которое отделяло науку от более приятного времяпрепровождения! Словом, на этом фоне почти безупречные красочные торжества заключительного дня работы конгресса были призваны отвлечь его участников от мыслей о досадных «мелочах», которые вряд ли затмят ошеломительный эффект акта закрытия конгресса.

Однако же акт закрытия конгресса не поколебал общего впечатления о том, что для международных «руководителей» византиноведения главными, как можно думать, остаются кадровые проблемы образованного ими бюро и взыскание членских взносов за представительство в МАВИ Национальных комитетов. Но этих слов не повторишь даже о тех немногих рабочих комиссиях, сведения о которых размещены на официальном сайте МАВИ. Не то чтоб инновационное развитие византиноведения вовсе не заботило «руководителей». Однако реализуется оно уж очень специфичным способом. Лучше всего это отображает обнародованный на сайте МАВИ комплект документов, касающихся создания и функций «Комиссии по развитию» (Development Commission)¹. Именно в ее ведении сосредоточиваются все обязанности и ответственность за эффективное развитие и функционирование сайта МАВИ, наполнение его реальным содержанием и системный обмен с Национальными комитетами коллективных членов МАВИ информацией, которая незамедлительно должна

¹ МАВИ. URL: <http://www.aiebnet.gr/en/commissions.html> (дата обращения: 01.07.2017).

размещаться на ее сайте или с помощью «внешних» ссылок обращать византинистов на сайты соответствующих Национальных комитетов. Попутно отметим: несмотря на несомненно неимоверные усилия официальных представителей России в МАВИ, а именно тов. С. П. Карпова и М. В. Грацианского, по уплате членских взносов Национального комитета, российских представителей в «Комиссии по развитию» «нема», а ссылка на сайт Национального комитета византинистов Российской Федерации¹ в ряду сведений о нем, представленных «под флагом» РФ², отсутствует! Уже поэтому идею Почетного президента МАВИ И. Кодера превратить ее сайт в некий востребованный всеми византинистами «хаб», да простят автору этих строк их читатели подобные «логистические» выражения, уместные разве только в фельетоне, нельзя считать успешно реализованной: собственно говоря, все новации «Комиссии по развитию» и ограничиваются контролем над содержанием веб-сайта МАВИ... Разумеется, ее бюро учредило и другие комиссии, допустим, по «Истории византийского искусства» (Commission for the History of Byzantine Art). И в программе работы этой комиссии, если бы с ней удалось познакомиться на сайте Ассоциации подробнее, чем это позволяет размещенный там документ, без сомнения, могли бы быть найдены новшества методов и подходов к изучению соответствующих материалов византиноведения! Пока же автор этих строк вынужден с большим сожалением констатировать, что представителей России в названной Комиссии нет! Зато точно нельзя не признать новаторской «Комиссию по исторической географии и пространственному анализу Византии» (Commission for the Historical Geography and Spatial Analysis Byzantium), успешная работа которой сегодня фактически невозможна без применения ГИС. Но и о работе этой Комиссии прежде всего надлежит сказать, что представителей России в ее составе не значится! Официальные представители России в Международной ассоциации византинистов, вероятно, полагают, что России нечего предложить Европе, oprичь себя «родненьких», несмотря на то, что чуть ли не за стенкой служебного кабинета тов. С. П. Карпова в Шуваловском корпусе МГУ им. М. В. Ломоносова находится резиденция руководства весьма обширной российской Ассоциации «История и компьютер», половина членов которой беспредельно увлечена ГИС. А что касается какой-либо другой комиссии, предложенной МАВИ Национальным комитетом византинистов РФ, — автор этих строк был бы рад отыскать сведения о том, да веб-сайт МАВИ, по его состоянию на 1 мая 2017 г., к выполнению поставленной задачи, увы, не приспособлен! И здесь бы тов. С. П. Карпову благоговейно вспомнить о своем учителе — приснопамятной З. В. Удальцовой, наследником которой тов. академик выступает. В свое время З. В. Удальцова,

¹ Национальный комитет византинистов РФ на сайте «Византийского временника» РАН. URL: <http://vremennik.biz/content/ncom> (дата обращения: 01.07.2017).

² Национальный комитет византинистов РФ на сайте МАВИ. URL: <http://www.aiebnet.gr/en/net/87-national-committees-en/145-russia.html> (дата обращения: 01.07.2017).

будучи главой советской византистики, всегда боролась отнюдь не за формальное представительство Советского Союза в международных научных организациях. Такова коллективная фотография «советской делегации» на фоне знамен стран-участниц МАВИ в актовом зале Белградского университета! В общем же приведенные примеры отлично доказывают, что доселе инновационные направления византистики своим возникновением, как правило, обязаны инициативе отдельных увлеченных ученых и их групп, работающих на стыке различных наук, будь то археология или палеография с кодикологией, искусствоведение или дипломатика, исследования или публикация источников. Но усилия таких новаторов в византистике, как и в науке вообще, могут стать эффективными и приносить действенные результаты лишь при поддержке энтузиастов со стороны организаторов и руководителей науки!

Без обиняков стоит сказать и о том, что в деле развития и применения информационных технологий в византистике определились лидеры и центры, в первую очередь Вена, где сосредоточены достаточные ресурсы и проводятся подлинно инновационные изыскания в самых различных направлениях — от новых изданий источников, в том ряду актов Константинопольского патриархата, до применения в исторических исследованиях ГИС и создания Интернет-версии «Лексикона византийского греческого языка (Lexikon zur byzantinischen Gräzität / LBG)». Кажется, только там и встает вопрос о встречах, где бы заинтересованные в использовании инновационных средств специалисты обменивались накопленным опытом. Но даже там, в Вене, где византистика собрала более чем достойные и опытные кадры, по всей видимости, нет речи об организации постоянно действующей для удовлетворения насущных потребностей византистов научной структуры, скажем, той же Комиссии МАВИ, призванной осуществлять координацию и обмен опытом по применению инновационных методов и подходов в каждодневной исследовательской, преподавательской и издательской деятельности. Таким образом, должно иметь в виду не создание дублера существующей Комиссии по развитию или простое расширение ее сферы деятельности (хотя нельзя исключать и такого варианта, что, надо отметить, допускает устав названной Комиссии), а объединение инициативных византистов с возможностью привлечения для сотрудничества специалистов по информатике и точным наукам. Сейчас же византистика фактически лишена какой-либо базы, достаточной не только для того, чтобы разрабатывать, но даже обсуждать актуальные аспекты общего направления и создания инновационных средств изучения источников по византийской истории и культуре. А ведь именно в таком решении проблемы их применения кроется залог эффективного продвижения вперед по пути координации и актуализации прилагаемых усилий отдельных византистов в заданном направлении. Остается только пожелать, чтобы международные «руководители» византистики проявили себя в решении указанного вопроса, выказав самую малую толику прозорливости, и кооптировали в свои ряды инициативного специалиста, который бы взял на себя труд по координации и организации на-

правления, ориентированного на внедрение в исследования и преподавание византистики инновационных технологий как таковых.

При этом особо следует отметить крайнюю необходимость создания единого интегрального реестра электронных информационных систем в сфере византистики, который бы стал важнейшим подспорьем всем византистам и представителям смежных специальностей в их повседневной работе. Несколько лет тому назад попытку создания такого информационного ресурса предпринял Н. И. Быстрицкий и его коллеги, подвигающиеся в научном центре при МГУ им. М. В. Ломоносова, которые практически напрямую соотнесены с Национальным комитетом византистов РФ и учрежденной при нем Ассоциации¹. Однако ж ни на одном из сайтов, по состоянию на 1 мая 2017 г., какой-либо подобный ресурс автору этих строк обнаружить не удалось. Отсутствие подобного реестра, конечно же, негативно сказывается на текущей работе современных византистов и специалистов смежного профиля, и не только отечественных. Для того, чтобы этот программный продукт получил эффективное применение в среде научных работников, преподавателей и студентов, его разработка непременно должна проводиться в активной координации, за которую так ратовал тов. С. П. Карпов, и прямой взаимосвязи с МАВИ, где этот ресурс обязан быть представлен! Тогда, может быть, указанный информационный реестр и станет заметным вкладом России в современную международную византистику?

В плане обсуждения практического применения информационных технологий хотелось бы также взглянуть и на реализацию задач подготовки МКВИ. В ходе организации последних конгрессов их организаторы, Национальные комитеты стран-участниц МАВИ, создают специальные веб-сайты: для каждого конгресса разрабатывается, каждый раз сызнова, сайт, ввод которого в эксплуатацию растягивается подчас на месяцы, а то и годы, как это происходило в случае белградского конгресса, где складывается впечатление, что создание его сайта не было завершено вплоть до момента его закрытия. Да, почти сразу же после проведения конгресса такие сайты удаляют из сети, и кто сейчас помнит электронные адреса сайтов прошедших конгрессов — вместе с накопленными там материалами, в том числе научными программами и сведениями об участниках, их докладами и сообщениями! И это происходит с удивительным постоянством, невзирая на значение подобных сведений для истории византиноведения. Равным образом и программа белградского конгресса, которая вместе с его официальным сайтом для большинства византистов, не принимавших непосредственного участия в работе этого конгресса, словно в докомпьютерные времена, практически безвозвратно ушла в небытие! По правде говоря, программу белградского конгресса еще, по состоянию на 1 мая сего года, можно найти в недрах некоторых «смежных» информационных ресурсов, например,

¹ Национальный комитет византистов РФ на сайте МГУ.
URL: <http://www.hist.msu.ru/partnerships/academic-partnership/ncb>
(дата обращения: 01.07.2017).

на странице «Актуальное» в разделе «Византийский мир» (Monde Byzantin) сайта Коллеж де Франс Orient Méditerranée¹. Однако нет никаких гарантий, что она в ближайшее время не будет перемещена в безвестный архив или просто, перестав быть актуальным вопросом вчерашнего дня, уничтожена, как и «внешняя» ссылка на закрытый сайт белградского конгресса, которая прежде размещалась на официальном сайте МАВИ. И это происходит в наши дни, когда к информационным технологиям, созданным для накопления, хранения и использования научной информации, относятся с пренебрежением, а вся аккумулированная на сайтах информация, словно бы в допотопные времена, по сути дела, канула в Лету! Несомненно, то же самое ожидает и турецких византинистов, много лет добивавшихся права и наконец-то получивших согласие руководителей МАВИ организовать МКВИ 2021 г. в Стамбуле. Впрочем, в условиях скромного материального обеспечения византистики почему бы не сделать на официальном сайте МАВИ одну универсальную страницу или раздел «Византийские конгрессы», где бы сосредоточивалась вся информация об организации и технической поддержке планируемых конгрессов византинистов?! Будущих и прошедших! Ведь именно названная Ассоциация, в лице своего бюро, принимает решения и объявляет условия созыва очередного конгресса!

Здесь уместно обратиться к опыту международных научных организаций, например, Ассоциации «Компьютер и гуманитарные науки» (The Association for Computers and the Humanities), которая, лидируя в названной отрасли, аккумулировала материалы ряда проведенных конгрессов и конференций², или так называемого «Альянса Организаций информационных гуманитарных наук» (Alliance of Digital Humanities Organizations), на сайте которого сохранены по крайней мере сведения о проведенных и будущих конференциях³.

Если подобные замыслы непосильны или технически трудноисполнимы, Бог с ними! Однако освещение истории МАВИ и МКВИ — это дело не только престижа! Пока посетитель официального сайта МАВИ обладает возможностью изучать историю создания «Комиссии по развитию», поскольку три четверти посвященных ей материалов на странице, представляющей работу названной Комиссии, скрупулезным образом описывают ее недавнюю историю. А сколь-нибудь внятные сведения по истории МАВИ, равно как и перечень МКВИ, приходится искать уже если не на последних страницах небызывственной Историографии Г. Л. Курбатова, то где-нибудь в немецкой версии «Википедии»! А ведь сегодня для многих византинистов большинство материалов предшествующих конгрессов МАВИ остаются или труднодоступны, или вовсе недоступны

¹ Orient Méditerranée. URL: <http://www.orient-mediterranee.com/spip.php?article3082&lang=fr> (дата обращения: 01.07.2017).

² The Association for Computers and the Humanities. URL: <http://ach.org/conferences/past-conferences> (дата обращения: 01.07.2017).

³ Alliance of Digital Humanities Organizations. URL: <http://adho.org/conference> (дата обращения: 01.07.2017).

для их системного и комплексного изучения. Кажется, пора приступить к изготовлению их электронных репликаций и собрать воедино по крайней мере все материалы МКВИ, а может быть, и наиболее крупных международных конференций, проведенных под эгидой МАВИ. Тогда ее сайт по праву и станет тем «хабом», за создание которого ратует ее Бюро!

Но уж если все сказанное и для вас, милостивые судари, и для ваших граждан начальников не аргумент, то мы, как говорится, и сами с усами. И охотно делимся своими впечатлениями о программе конгресса, уничтоженной вместе с его упраздненным сайтом благодаря ревнителям информационной чистоты византиноведения. Именно впечатлениями, поскольку материалы забытых вту-не организаторами белградского конгресса и руководителями византистики специальных сессий, как сказано, по состоянию на 1 мая 2017 г., когда автор этих строк завершает работу над своим отчетом участника белградского конгресса византистов, не опубликованы, судить о них приходится лишь по тем впечатлениям, которые отложились в обманчивой памяти автора. Он, надо подчеркнуть, неоднократно обращался к официальным лицам и членам оргкомитета МКВИ 2016 г., пытаясь выяснить, будут ли обнародованы материалы специальных сессий. Увы, никакого внятного ответа (в тех случаях, когда он был) не последовало! Поэтому автор этих строк, не озаботившись о решении поставленной задачи заранее, пытается восстановить для осведомления широкой научной общественности названия тех докладов и выступлений, которые непосредственно отображают использование инновационных технологий. И просит прощения у своих коллег за допущенные неточности или упущение сведений о подобных сообщениях, названия которых воспроизведены согласно объявленной программе белградского МКВИ 2016 г. А если, паче чаяния, материалы специальных сессий названного кворума все-таки увидят свет, автор этих строк надеется, что его рассказ станет для заинтересованных соотечественников кратким путеводителем.

Ну и «история», скажу я вам! Анекдот для нашего фельетона, да и только!

*Юрий Яковлевич Вин,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН*